

Кибербуллинг в подростковом возрасте: агрессор и жертва

Власова Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: 11025173@yandex.ru

Буслаева Е.Л.

Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВО МГЛУ); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, e-mail: moselena2201@yandex.ru

В статье приведен анализ результатов эмпирического исследования личностных особенностей подростков с высоким уровнем киберагрессии и их сверстников, склонных к кибервиктимизации. Теоретическим обоснованием цели работы выступают современные исследования, противоречиво характеризующие специфические черты личности подростков, проявляющих как агрессивное, так и виктимное поведение в киберсреде. В качестве респондентов исследования выступили обучающиеся 8—9-х классов общеобразовательных школ г. Москвы, из которых были сформированы три группы: подростки с высоким уровнем киберагрессии (N=29), с выраженной кибервиктимностью (N=34), имеющие нормативные показатели по данным факторам (N=30). В работе были использованы: методика «Многофакторное исследование личности (14 PF)» Р.Б. Кэттелла; тест «Уровень субъективного контроля» В.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинда; опросник «Исследование волевой саморегуляции» А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана. Результаты исследования показали наличие схожих особенностей личности у подростков с выраженными чертами как кибервиктимности, так и киберагрессивности — низкий уровень эмоциональной устойчивости и самообладания, экстернальный локус контроля и пониженная интернальность в межличностных отношениях. Также были выявлены специфические качества личности подростков для каждой из исследованных групп. Полученные данные могут найти применение в разработке программ психопрофилактики кибербуллинга в подростковой среде.

Ключевые слова: кибербуллинг, киберагрессия, кибервиктимность, личностные особенности, субъективный контроль, волевая саморегуляция.

Для цитаты: Власова Н.В., Буслаева Е.Л. Кибербуллинг в подростковом возрасте: агрессор и жертва [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 56–71. DOI:10.17759/psylaw.2023130305

Cyberbullying in Adolescence: Bully and the Victim

Nataliya V. Vlasova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: 11025173@yandex.ru

Elena L. Buslaeva

Moscow State Linguistic University; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, e-mail: moselena2201@yandex.ru

The following research analyses the results of the empirical study conducted among adolescents showing high levels of cyberbullying and their peers prone to cyber victimization. The theoretical basis for the purpose of the following research is represented by the modern studies and their conflicting profiling of the personality features specific for adolescents prone to bullying as well as victimization in cyberspace. The case study is represented by a group of eighth and ninth grade students studying in Moscow schools, the respondents were divided into three groups: those showing high levels of cyberbullying (N=29), those showing distinct cyber victim behavior (N=34), and those showing standard behavior in this area (N=30). The research is based on the following studies and methodologies: Multifactorial personality questionnaire (14 PF) by R.B. Cattell, «Level of subjective control» test by V.F. Bazhin, E.A. Golyunkina, A.M. Atkind and test by A.V. Zverkov, E.V. Eydman's "Study of voluntary self-regulation". The research has identified similar features specific for adolescents showing clear signs of cyberbullying as well as cyber victim behavior: low levels of emotional stability and self-control, external locus of control, reduced levels of internality in interpersonal relationships. The research also identifies specific personality features distinct for each group. The data collected in this study can be applied when developing programs to prevent cyberbullying among adolescents.

Keywords: cyberbullying, cyber aggression, cyber victimization, personality traits, subjective control, volitional self-regulation.

For citation: Vlasova N.V., Buslaeva E.L. Cyberbullying in Adolescence: Bully and the Victim. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 56–71. DOI:10.17759/psylaw.2023130305 (In Russ.).

Введение

Стремительная динамика развития информационных технологий послужила основой для формирования цифрового пространства, где главным средством коммуникации стал Интернет. В глобальной сети, объединяющей 4 миллиарда пользователей, выстраиваются уникальные механизмы общения, которые оказывают значительное влияние на становление и развитие личности современных подростков — основных посетителей киберсреды.

Как результат трансформации части информационного поля в современный социальный институт с альтернативной формой отношений в Сети появляется множество новых видов адаптации, возникают специфические правила взаимодействия. Как отмечает Д.В. Кирюхина: «Общение в Интернете становится более поверхностным, не требующим эмоциональных контактов и ответственности за свои слова, а агрессивная сторона коммуникации начинает

доминировать и в конечном итоге занимает главенствующую позицию» [6, с. 44]. Наиболее распространенным вариантом проявления агрессии среди подростков в киберпространстве является кибербуллинг.

Определяя феномен кибербуллинга, М.С. Martínez-Monteagudo, В. Delgado, J.M. García-Fernández, Е. Rubio характеризуют его как ярко выраженные насильственные действия, проявляющиеся в виде шантажа, угроз, издевательств, кражи частной информации и личных данных. Результатом этого могут стать катастрофические последствия для безопасности подростка, а именно: личностные и эмоциональные расстройства, снижение активности и депрессивные состояния, ослабление социальных контактов в реальной жизни и в некоторых случаях угроза физическому здоровью [17].

В то же время, по мнению Г.У. Солдатовой и С.Н. Илюхиной, понятие и определение кибербуллинга во многом являются дискуссионными, так как это особый тип девиантного поведения, имеющий ряд специфических характеристик. К ним можно отнести непредсказуемость и неожиданность действий, дистантность и изолированность субъектов друг от друга, анонимность и неравенство сил, а также механизм ролевой инверсии, т. е. смена ролей в процессе кибербуллинга [11]. Его участниками выступают агрессор, жертва и наблюдатели.

Распределение ролей в интернет-травле обусловлено различными социальными и психологическими факторами. Так, Т. Veran, Q. Li на основании результатов исследования с участием респондентов 7—9-х классов отмечают, что с кибербуллингом в общей сложности сталкиваются около 70% подростков. При этом постоянным нападениям подвергаются 21% детей, а 25% опрошенных заявляют, что часто выступают в роли агрессора [13]. Опираясь на итоги этого исследования, S. Hinduja, J.W. Patchin одновременно не выявили половых и расовых различий в выборках, представляющих как агрессоров, так и жертв кибербуллинга. Авторы пришли к выводу о том, что в равной степени мальчики и девочки, представители разных национальностей и конфессий выступают в различных ролях преследования в киберпространстве [18].

Ряд исследователей считают, что подросток, как правило, реализует в киберпространстве ту роль, которую привык исполнять в реальной жизни. В данном случае кибербуллинг является своеобразным продолжением тех отношений, которые сложились у подростков в социуме [3; 9; 12]. В то же время существует противоположная точка зрения. Так, И.Б. Бовина и Н.В. Дворянчиков обоснованно делают вывод о том, что «попытки отождествлять поведение в Сети с поведением в реальности было бы ошибочным, ибо киберпространство способствует тому, что происходит растормаживание, снижение тех барьеров, которые регулируют поведение субъекта в реальной жизни» [2, с. 98].

Также дискуссионным остается вопрос о характеристиках личности, склонной к киберагрессивному и кибервиктимному поведению. Так, М. Herrera-López, Е. Romera, R. Ortega-Ruiz в качестве причин подростковой киберагрессии называют конфликтные ситуации в семье или образовательном учреждении, массовую пропаганду жестокости и насилия в СМИ, а также отсутствие критического мышления в отношении себя и окружающих — т. е. все то, что может послужить и стимулом для проявления подростковой агрессии в реальной жизни [15].

D. Graf, T. Yanagida, K. Runions, C. Spiel в качестве причин высокой киберагрессивности у подростков выделяют повышенную возбудимость, эмоциональную неустойчивость, вспыльчивость и упрямство наравне с высоким уровнем тревожности и неадекватностью поведенческих реакций [14]. Несколько другие характеристики подростков, часто совершающих киберагрессивные действия, приводят в своих исследованиях О.А. Липовая и А.Е. Штенская. Авторы указывают на такие личностные особенности, как неустойчивость интересов, отсут-

стве увлечений и хобби, бедность ценностных ориентаций, низкий интеллектуальный уровень, неразвитость нравственных и культурных представлений, внушаемость и склонность к подражанию [7].

Высокий уровень киберагрессии у подростков, по мнению M.F. Wright, имеет связь с неустойчивостью самооценки и противоречивостью социальных потребностей [20]. У таких детей обычно наблюдается либо крайне низкая, либо максимально высокая самооценка; высокий уровень тревожности может сочетаться с неадекватно завышенными притязаниями, а страх перед социальными контактами — с желанием находиться в центре внимания окружающих.

Подчеркивая связь агрессивности со склонностью к киберагрессии, С.С. Антипина и А.В. Микляева указывают на то, что высокие показатели последней сопряжены с повышенным уровнем физической агрессии подростка. Таким образом, кибербуллинг выступает для него способом и возможностью перенесения агрессивных проявлений из реальной жизни, которая в большей степени контролируется как им самим, так и значимыми взрослыми, в онлайн-пространство [1]. Следовательно, считают авторы, склонность к киберагрессии обусловлена повышенной возбудимостью, раздражительностью, внутренним напряжением, низким уровнем самоконтроля и несформированностью процессов совладания со стрессом.

Как результат глобального вовлечения подростков в виртуальное взаимодействие посредством цифровых коммуникативных технологий в киберсреде формируется благоприятная почва для распространения буллинга. При этом анонимность и деперсонафикация, создавая ощущение безнаказанности, позволяют агрессорам свободно осуществлять деструктивные и манипулятивные действия в Сети, что усугубляет неспособность жертвы противостоять им. Согласно современным исследованиям, в более 60% случаев травли в Интернете жертвы-подростки не заявляют о своих проблемах, не ставят в известность родителей или педагогов, отгораживаются и избегают обсуждения этой темы с ровесниками. Так, А.А. Бочавер подчеркивает, что подростки редко делятся случаями столкновения с киберагрессией. Рассказывая о таких проблемах, они, с одной стороны, испытывают чувство стыда по причине стремления к самостоятельности, а, с другой стороны, многие из них сами начинают осуществлять в Сети ответные агрессивные действия [3].

В то же время, характеризуя подростков, подвергающихся постоянным агрессивным нападениям со стороны сверстников в киберпространстве, в качестве психологических предикторов следует выделить такие личностные особенности, как высокий уровень тревожности, эмоциональная лабильность, восприимчивость к неблагоприятным факторам, низкая самооценка, несформированность коммуникативных навыков. [4; 5; 20].

Так, Ф.С. Сафуанов и Н.В. Докучаева, изучая индивидуально-психологические особенности кибервиктимных лиц, выделяют «...симптомокомплекс, включающий беспокойство, неуверенность в себе, подверженность настроению, неусидчивость, неустойчивость настроения, гневливость, и определенные способы совладания и психологические защиты в психотравмирующих ситуациях: поиск эмоциональной социальной поддержки, фокусировку на эмоциях, самоограничение и проекцию» [10, с. 89].

Е.В. Нуцкова и Е.Г. Дозорцева в качестве личностных особенностей, выступающих факторами риска несовершеннолетних девочек — жертв кибергруппинга, выделяют отсутствие «...позитивного общения со сверстниками, интеллектуальный дефицит, недостаточную осведомленность в вопросах пола или, напротив, повышенный интерес к ним» [8, с. 72].

Достоинством внимания представляется мнение Т. Keipi, А. Oksanen, J. Hawdon, M. Nasi, P. Rasanen, которые отмечают, что Интернет выступает в роли привлекательной коммуника-

ционной альтернативы для эмоционально изолированных, социально отчужденных подростков или тех, кто испытывает трудности при общении со сверстниками и взрослыми в силу чрезмерной застенчивости или стеснительности [16]. Такие подростки часто одиноки, не имеют друзей и не проявляют интереса к социальной активности, что в дальнейшем может провоцировать их на осуществление агрессивных актов или, напротив, делать жертвами киберагрессии. Это позволяет говорить о наличии некоторых сходных личностных черт, которые присущи как кибервиктимным, так и киберагрессивным подросткам.

Таким образом, результаты анализа современных исследований свидетельствуют о том, что проблема диагностики психологических факторов, влияющих на формирование девиантного поведения в киберпространстве, как агрессивного, так и виктимного, остается актуальной и недостаточно изученной.

Все вышесказанное и определило цель нашего исследования — выявление личностных особенностей подростков, характеризующихся высокой степенью киберагрессии, а также их сверстников, обладающих выраженной кибервиктимностью.

Материалы и программа исследования

В исследовании приняли участие 157 подростков (86 мальчиков и 71 девочка), обучающихся общеобразовательных школ г. Москвы. Средний возраст опрошиваемых составил 15,2 (+/-1,2) лет. Сбор эмпирического материала проводился в смешанном формате, как в непосредственном контакте с детьми, так и при взаимодействии с подростковыми группами посредством Telegram-мессенджера.

На первом этапе исследования все респонденты (157 подростков) прошли тестирование для выявления уровня киберагрессии с использованием методики *Cyber-aggression typology questionnaire (CATQ)* К.С. Рунин (адаптация С.С. Антипиной). Согласно результатам обследования, у 21,7% опрошенных (34 человека) выявлен высокий интегральный уровень проявлений намеренного (по инициативным мотивам) киберагрессивного поведения. Наибольшее количество подростков, а именно, 52,3% (82 человека) продемонстрировали средний уровень по данному показателю. В то же время 26% от общего числа респондентов (41 человек) показали низкий уровень киберагрессии.

На втором этапе исследования для определения уровня подверженности кибербуллингу подростки были опрошены с помощью методики «Шкала кибервиктимизации» Д.В. Жмурова. Результаты психодиагностики позволили выявить высокий уровень кибервиктимности у 25% (39 человек), средний — у 48% (75 человек) и низкий — у 27% (43 человека).

Таким образом, в соответствии с результатами первого и второго этапов обследования, были сформированы 3 группы респондентов согласно уровню выраженности киберагрессии и кибервиктимности.

В первую группу (контрольная группа) вошли 30 подростков, которые продемонстрировали одновременно средний уровень киберагрессивности и кибервиктимности. Для получения репрезентативных и объективных результатов в данную группу не были включены респонденты с низкими показателями киберагрессивности и кибервиктимности.

Вторую группу (А-группа) составили 29 подростков, результаты обследования которых, выявили высокий уровень киберагрессивности и одновременно средний или низкий уровень кибервиктимности.

Наконец, третью группу (В-группа) составили 34 подростка с высоким уровнем кибервиктимности и результатами, не превышавшими средний уровень по показателям шкалы киберагрессии.

Следует отметить, что из общего числа респондентов, позже ставших участниками трех вышеуказанных групп, намеренно были исключены подростки (5 человек), результаты опроса которых продемонстрировали одновременно высокие показатели по шкалам киберагрессии и кибервиктимности. Эти данные, очевидно, были обусловлены неблагоприятной социально-психологической ситуацией. Ответы в этой группе детей, согласно результатам беседы с психологом, были продиктованы актуальным негативным эмоциональным состоянием — обидой, раздражением, гневом и т. д. В исследуемые группы также не были включены подростки (7 человек), продемонстрировавшие крайне низкий уровень по шкалам киберагрессии и кибервиктимности одновременно, что, на наш взгляд, обусловлено их неискренностью и стремлением продемонстрировать социально желательную позицию при тестировании.

С целью выявления различий в психологических особенностях подростков исследуемых групп использовались методики: «Многофакторное исследование личности (14 PF (подростковый вариант))» Р.Б. Кэттелла; тест «Уровень субъективного контроля» (авторы В.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткин); опросник «Исследование волевой саморегуляции» (разработка А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана).

Для обработки полученных результатов применялся статистический критерий проверки гипотез в пакете SPSS Statistics-26: непараметрический критерий Манна—Уитни для независимых выборок.

Результаты и их обсуждение

Полученные в процессе исследования результаты с применением методики «Многофакторное исследование личности (14 PF (подростковый вариант))» Р.Б. Кэттелла изложены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты методики многофакторного исследования личности (14 PF) Р.Б. Кэттелла

Показатели методики	Группа	Среднее	U-критерий (значение)	Асимптотическая значимость
Шизотемия — аффектотимия (А)	Контрольная группа	5,63	446	0,865
	А-группа	5,69		
	В-группа	6,41	404,5	0,148
Ложь (В)	Контрольная группа	5,83	506,5	0,267
	А-группа	5,48		
	В-группа	5,41	600,5	0,213
Степень эмоциональ- ной устойчивости (С)	Контрольная группа	6,97	777	0,000***
	А-группа	4,90		
	В-группа	5,94	708	0,006**
Флегматичность — возбудимость (D)	Контрольная группа	5,23	379,5	0,385
	А-группа	5,55		
	В-группа	5,18	533,5	0,329
Подчиненность — доминирование (Е)	Контрольная группа	5,10	237,5	0,002**
	А-группа	6,57		
	В-группа	5,94	387,5	0,92

Осторожность — легкомыслие (F)	Контрольная группа	5,37	471	0,578
	А-группа	5,10		
	В-группа	4,88	604,5	0,191
Степень принятия моральных норм (G) *	Контрольная группа	5,5	588,5	0,016*
	А-группа	4,66		
	В-группа	5,41	535,5	0,725
Робость (застенчи- вость) — смелость (авантюризм) (H)	Контрольная группа	5,23	237	0,010**
	А-группа	5,90		
	В-группа	5,21	506	0,955
Реализм — сензитивность (I)	Контрольная группа	5,9	586	0,020*
	А-группа	4,79		
	В-группа	6,15	468,5	0,570
Неврастения, фактор Гамлета (J)	Контрольная группа	5,33	341	0,148
	А-группа	5,90		
	В-группа	5,71	441	0,345
Самоуверенность — склонность к чувству вины (O)	Контрольная группа	6,43	483	0,455
	А-группа	5,93		
	В-группа	6,09	573,5	0,383
Степень групповой зависимости (Q2)	Контрольная группа	5,40	484	0,449
	А-группа	5,24		
	В-группа	4,41	681,5	0,019*
Степень самоконтроля (Q3)	Контрольная группа	5,83	636	0,002**
	А-группа	4,55		
	В-группа	5,38	597,5	0,230
Степень внутреннего напряжения (Q4)	Контрольная группа	5,30	245,5	0,003**
	А-группа	6,52		
	В-группа	5,62	440	0,033

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; «***» — $p < 0,001$.

Согласно сравнительному анализу показателей представленной методики выявлены значимые различия между респондентами исследуемых групп по шкалам: Степень эмоциональной устойчивости, Принятие моральных норм, Робость—смелость, Реализм—сензитивность, Степень групповой зависимости, Уровень самоконтроля и степень внутреннего напряжения. При этом лишь по одному показателю (степень эмоциональной устойчивости) респонденты проблемных групп (А-группа и В-группа) продемонстрировали значимые различия в сравнении с детьми из контрольной группы. Данный факт свидетельствует о том, что всем подросткам, обладающим и высоким уровнем киберагрессии, и выраженной кибервиктимностью, свойствен сниженный уровень эмоционального контроля в сравнении с их сверстниками из нормативной группы.

Следовательно, можно утверждать, что наиболее устойчивым фактором формирования киберагрессии и кибервиктимности у подростков является сниженный контроль эмоционального состояния. Как считает М.Ф. Wright, подросток, не способный справиться с негативными чувствами, нередко пытается выразить их через агрессию в киберпространстве, а при получении удовлетворения от такого действия начинает использовать этот способ все чаще; тем самым киберагрессия формируется уже как черта личности [20].

Закрепление кибервиктимности, как особенности личности, также происходит вследствие сниженного самоконтроля. Испытывая постоянное беспокойство или непринятие окружающими, ребенок демонстрирует слабость своего Я, уязвимость, неадекватность и, как результат, становится объектом насмешек, критики и проявлений агрессии, которые чаще всего реализуются в киберсреде.

Следует отметить, что результаты исследования также показывают, что подросткам из А-группы (детям с высоким уровнем киберагрессии) свойственны такие отличительные личностные черты, как высокий уровень доминирования, низкая степень принятия моральных норм, авантюризм, сниженный уровень сензитивности и самоконтроля, а также повышенный уровень внутреннего эмоционального напряжения.

Как показали результаты исследования, в качестве достоверно значимой отличительной особенности подростков из В-группы (дети с высоким уровнем кибервиктимности), можно назвать лишь высокий уровень групповой зависимости. Следовательно, дети, склонные к кибервиктимности, в большей степени, чем их ровесники, ощущают себя зависимыми от окружающих. При этом нельзя утверждать, что именно социальная зависимость является причиной кибервиктимного поведения. Можно лишь констатировать, что для этой группы подростков характерна данная личностная особенность. Таким образом, у детей, подверженных кибербуллингу, эффективность деятельности, настроение и поведение во многом зависят от оценки окружающих, их мнения и критических замечаний.

Несмотря на отсутствие достоверных различий по другим шкалам методики, можно сказать об общей тенденции в определении личностных черт, свойственных детям с высоким уровнем кибервиктимности. Так, в сравнении со сверстниками контрольной группы, им в большей степени присущи следующие качества личности: более высокий уровень осторожности (шкала F), впечатлительность и эмоциональная чувствительность (шкала I), склонность к чувству вины (шкала O).

В то же время результаты исследования не показали ожидаемых достоверных различий по фактору возбудимости (шкала D) в группе подростков с высоким уровнем киберагрессии, что в некотором смысле противоречит доминирующему обоснованию причин агрессивного поведения ребенка [3; 11]. Объясняя данный факт, можно предположить, что предикты киберагрессии и агрессии, проявляющейся в реальной жизни подростка, различны. Так, дети, не отличающиеся в социуме вызывающими поступками, не склонные к конфликтности и враждебности по отношению к окружающим, часто в онлайн-пространстве демонстрируют совершенно другие, противоположные качества. Подобными действиями они пробуют себя в другой роли, пытаясь испытать новые чувства или просто развлечься. Этот вывод подтверждается исследованиями К.С. Runions по классификации киберагрессии [19].

Также заслуживающим особого внимания представляется и тот факт, что в процессе сравнительного анализа исследуемых групп не установлено значимых различий в показателях самооценки (шкала O). Данный результат, по-видимому, можно объяснить возрастными особенностями респондентов. Подросткам в целом свойственна нестабильность в оценке себя, своих поступков и возможностей. Они зачастую испытывают противоречивые чувства,

ощущая себя, с одной стороны, взрослыми, способными строить собственные планы, с другой стороны, в случае неуспеха, стараются снять с себя ответственность и обвинить в своих просчетах других.

В связи с тем, что по результатам исследования, был выявлен показатель (степень эмоциональной устойчивости), являющийся значимым и для подростков, обладающих высокой киберагрессивностью, и для их сверстников, характеризующихся выраженной кибервиктимностью, в последующем он стал основной мишенью всестороннего изучения.

Полученные данные по показателям основных характеристик эмоциональной устойчивости, а именно, результаты уровня субъективного контроля и волевой саморегуляции, представлены в табл. 2 и табл. 3 соответственно.

Таблица 2

**Результаты тест-опросника «Уровень субъективного контроля»
(В.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд)**

Показатели опросника	Группа	Среднее	U-критерий (значение)	Асимптотическая значимость
Общая шкала интернальности	Контрольная группа	6,0	658,5	0,001***
	А-группа	4,10		
	В-группа	4,32	743,5	0,001***
Шкала интернальности в области достижений	Контрольная группа	4,73	484	0,449
	А-группа	4,34		
	В-группа	3,97	611,5	0,160
Шкала интернальности в области неудач	Контрольная группа	4,43	470	0,589
	А-группа	4,24		
	В-группа	3,68	658,5	0,041*
Шкала интернальности в семейных отношениях	Контрольная группа	3,97	474,5	0,541
	А-группа	3,72		
	В-группа	3,76	554,5	0,539
Шкала интернальности в производственных отношениях	Контрольная группа	3,93	482	0,468
	А-группа	3,62		
	В-группа	3,79	535	0,731
Шкала интернальности в межличностных отношениях **	Контрольная группа	4,9	603,5	0,009**
	А-группа	3,72		
	В-группа	3,58	721,5	0,004**
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни	Контрольная группа	3,27	407,5	0,672
	А-группа	3,38		
	В-группа	3,56	447	0,389

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; «***» — $p < 0,001$.

Таблица 3

**Результаты методики «Исследование волевой саморегуляции»
А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана**

Показатели методики	Группа	Среднее	U-критерий (значение)	Асимптотическая значимость
Общий уровень саморегуляции	Контрольная группа	10,13	563,5	0,049*
	А-группа	8,72		
	В-группа	9,18	634,5	0,091
Настойчивость	Контрольная группа	4,73	484	0,449
	А-группа	4,34		
	В-группа	3,97	611,5	0,160
Самообладание	Контрольная группа	5,60	635,5	0,002**
	А-группа	4,24		
	В-группа	3,68	855	0,000***

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; «***» — $p < 0,001$.

На основании сравнительного анализа показателей, полученных с помощью теста «Уровень субъективного контроля», можно утверждать, что для подростков обеих проблемных групп характерно значительное снижение показателей шкалы общей интернальности. Следовательно, и для детей, обладающих высокой киберагрессивностью, и для их ровесников с выраженной кибервиктимностью присущ экстернальный локус контроля. Это означает, что для подростков данных проблемных групп характерно ощущение собственной незначимости, невозможности контролировать свою жизнь и ее составляющие. Они чувствуют себя зависимыми от ситуации и окружающих, перекладывают ответственность на других и не способны задействовать собственные ресурсы для решения проблем.

Также респондентам из А-группы и В-группы свойственна низкая интернальность в межличностных отношениях. Данный факт свидетельствует о том, что подростки из этих групп в сравнении со своими сверстниками из Контрольной группы испытывают неудовлетворенность в сфере социальных контактов. При этом ответственность за установление социальных контактов и взаимодействие с окружающими они переносят на других. Подростки обеих групп считают, что инициатива и характер межличностных отношений не зависят от них самих, а негативные эмоции, которые они испытывают вследствие неудовлетворенности социальных потребностей, являются результатом предубеждения и негативного отношения к ним окружающих.

При этом следует отметить, что, согласно результатам исследования, имеются различия в показателях интернальности. Так, для подростков с высоким уровнем кибервиктимности, в отличие от их сверстников Контрольной группы, характерна более низкая интернальность в области неудач. Следовательно, респонденты В-группы в большей степени склонны считать себя неуспешными, зависимыми от обстоятельств и ситуативных факторов. Они не уверены в себе, испытывают страх перед трудностями на пути к достижению цели, изначально полагая, что не смогут справиться с ними в силу собственных низких ресурсов и способностей.

Согласно результатам, полученным с помощью методики «Исследование волевой саморегуляции», выявлены значимые различия у респондентов А группы по показателям: общий

уровень саморегуляции и самообладание. В то же время для подростков В-группы в сравнении с их ровесниками из Контрольной группы значимым оказался только результат по шкале самообладание.

Следовательно, для подростков с высоким уровнем киберагрессии характерны эмоциональная неустойчивость и импульсивность, которые могут вызывать чувство неудовлетворенности, раздражения и внутреннего напряжения. Стремление устранить его удовлетворяется жесткой критикой и грубыми выпадами в отношении других лиц, наиболее доступным и менее контролируемым социумом способом — посредством кибербуллинга.

Низкий уровень самообладания у кибервиктимных подростков характеризует их как не умеющих контролировать и скрывать свои чувства, повышено восприимчивых к неблагоприятным факторам и испытывающих постоянное ощущение внутреннего напряжения. Тем не менее, в силу более сформированной общей саморегуляции они не стремятся ослабить состояние фрустрации посредством агрессии, а, напротив, пытаются ограничить сферу социальных контактов, избежать сложных ситуаций. Таким образом, они тормозят формирование более адаптивных способов реагирования на стресс. Вероятно, именно это обстоятельство впоследствии приводит к тому, что подростки этой группы становятся объектами кибербуллинга.

Выводы

1. По результатам эмпирического исследования выявлено, что подростки с высоким уровнем киберагрессии и кибервиктимности в отличие от своих сверстников, не имеющих данных склонностей, обладают следующими общими личностными характеристиками: низкий уровень эмоциональной устойчивости и самообладания, экстернальный локус контроля, сниженная интернальность в межличностных отношениях.

2. Наиболее характерными чертами подростков, отличающихся высоким уровнем киберагрессии, являются стремление к доминированию, пренебрежение моральными нормами, авантюризм, сниженный уровень общей саморегуляции, самоконтроля и сензитивности, а также высокая степень внутреннего эмоционального напряжения.

3. Согласно результатам исследования, подросткам с высокой степенью кибервиктимности, подверженным буллингу в киберпространстве, присущи высокий уровень групповой зависимости и низкая интернальность в области неудач. Одновременно можно говорить о наблюдаемой тенденции у респондентов данной группы к общему снижению самооценки и повышенной тревожности, однако достоверных различий по этим показателям не установлено.

4. Сравнительный анализ исследуемых групп позволил выявить личностные факторы, способствующие повышению уровня сопротивляемости кибербуллингу в подростковой среде. Так, показатели некоторых личностных черт подростков из нормативной группы значимо отличаются от показателей, свойственных детям с высоким уровнем киберагрессии и кибервиктимности. К ним относятся эмоциональная устойчивость, самообладание и интернальность в межличностных отношениях.

Заключение

В современном мире граница между реальным и виртуальным миром стирается, процессы коммуникации трансформируются и становятся все более технологичными. Социализация подростков в этих условиях переносится в киберпространство, где своеобразно отражаются все существующие в реальности формы и способы поведения и взаимодействия подростков, в том числе такие деструктивные поведенческие реакции, как кибербуллинг. Несмотря на

обширный круг научных работ в этой сфере вопрос об эффективных методах предупреждения данного явления в подростковой среде остается открытым. Современные исследования показывают, что основной дискуссионной темой является выделение психологических факторов риска, приводящих подростка к кибербуллингу в качестве как агрессора, так и жертвы.

Результаты эмпирического исследования позволили установить значимые различия в личностных особенностях детей подросткового возраста, обладающих высокой степенью киберагрессивности, а также тех, которым свойственна более выраженная кибервиктимность в сравнении с нормативной группой. Следует отметить, что респонденты, которым присущи противоположные роли в ситуации кибербуллинга (агрессор и жертва), обладают такими схожими чертами, как низкий уровень эмоциональной устойчивости и самообладания, экстернальный локус контроля, а также сниженная интернальность в межличностных отношениях. Кроме того, выявлены такие характерные личностные особенности подростков с высоким уровнем киберагрессии, как стремление к доминированию, пренебрежение моральными нормами, авантюризм, сниженный уровень общей саморегуляции, самоконтроля и сензитивности, а также высокая степень внутреннего эмоционального напряжения. К специфическим характеристикам подростков, имеющих высокую степень кибервиктимизации, отнесены такие индивидуальные качества личности, как высокий уровень групповой зависимости и низкая интернальность в области неудач.

В то же время важно отметить, что значительное число схожих черт личности, характерных для подростков с выраженными чертами и киберагрессии, и кибервиктимности, свидетельствует о том, что данные особенности, во-первых, являются факторами риска для формирования готовности к участию в процессе кибербуллинга вне зависимости от роли. Во-вторых, эти совпадающие характеристики должны быть изучены по отдельным параметрам, которые их интегративно определяют.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке программ психопрофилактики кибербуллинга в подростковой среде.

Литература

1. Антипина С.С., Микляева А.В. Взаимосвязь склонности к киберагрессии, агрессивности и эмпатии в подростковом возрасте [Электронный ресурс] // Российский психологический журнал. 2021. Том 18. № 2. С. 94–108. doi:10.21702/rpj.2021.2.6
2. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В. Поведение онлайн и офлайн: к вопросу о возможности прогноза [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 98–108. doi:10.17759/chp.2020160410
3. Бочавер А.А. Школьный опыт буллинга и актуальное благополучие у студентов [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 2. С. 17–27. doi:10.17759/pse.2021260202
4. Власова Н.В., Буслаева Е.Л. Психологические особенности лиц, склонных к кибервиктимному поведению [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 194–206. doi:10.17759/psylaw.2022120214
5. Кирюхина Д.В. Кибербуллинг и индивидуально-психологические характеристики его участников [Электронный ресурс] // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (ДНТЕ 2020): Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 19–21 ноября 2020 г. / Под ред. М.Г. Сороковой, Е.Г. Дозорцевой, А.Ю. Шеманова. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 306–310. URL:

<https://psyjournals.ru/nonserialpublications/dhte2020/contents/Kiryukhina> (дата обращения: 01.02.2023).

6. *Кирюхина Д.В.* Общение подростков в сети Интернет: границы нормативности [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2021. Том 10. № 3. С. 40–47. doi:10.17759/jmfp.2021100304

7. *Липовая О.А., Штенская А.Е.* Психологические особенности проявления агрессии у подростков // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2018. № 2. С. 55–58.

8. *Нуцкова Е.В., Дозорцева Е.Г.* Клинико-психологические особенности несовершеннолетних, потерпевших от кибергруминга [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 66–76. doi:10.17759/psylaw.2022120306

9. *Путинцева Н.В.* Консилиум / Совет профилактики в формате восстановительной программы «Круг сообщества» в Центрах содействия семейному воспитанию // Вестник восстановительной юстиции. 2023. № 17. С. 73–75.

10. *Сафуанов Ф.С., Докучаева Н.В.* Особенности личности жертв противоправных посягательств в Интернете [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. № 4. С. 80–93. doi:10.17759/psylaw.2015050407

11. *Солдатова Г.У., Илюхина С.Н.* Аутодеструктивное поведение подростков и молодежи в Интернете: анализ кейсов // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: Сборник научных статей и материалов международной конференции «Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: от цифровой культуры к киберкультуре», 12–14 февраля 2020 г., Коломна. Коломна, 2020. С. 371–376.

12. *Чухланцев Ю.С., Чиркина Р.В., Куприянова Е.А.* Социальный остракизм и склонность к девиантному поведению подростков [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2021. Том 18. № 4. С. 22–29. doi:10.17759/bppe.2021180402

13. *Beran T., Li Q.* The Relationship between Cyberbullying and School Bullying // Journal of Student Wellbeing. 2007. Vol. 1(2). P. 16–33. doi:10.21913/JSW.v1i2.172

14. *Graf D., Yanagida T., Runions K., Spiel C.* Why did you do that? Differential types of aggression in offline and in cyberbullying // Computers in Human Behavior. 2022. Vol. 128. P. 107–128. doi:10.1016/j.chb.2021.107107

15. *Herrera López M., Romera Félix E.M., Ortega Ruiz R., Gómez Ortiz O.* Influence of social motivation, self-perception of social efficacy and normative adjustment in the peer setting // Psicothema. 2015. Vol. 28(1). P. 32–39 doi:10.7334/psicothema2015.135

16. *Keipi T., Oksanen A., Hawdon J., Nasi M., Rasanen P.* Harm-advocating online content and subjective well-being: A cross-national study of new risks faced by youth // Journal of Risk Research. 2017. Vol. 20(5). P. 634–649. doi:10.1080/13669877.2015.1100660

17. *Martínez-Monteagudo M.C., Delgado B., García-Fernández J.M., Rubio E.* Cyberbullying, Aggressiveness, and Emotional Intelligence in Adolescence // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 16(24). P. 50–79. doi:10.3390/ijerph16245079

18. *Patchin J.W., Hinduja S.* Cyberbullying Prevention and Response, Expert Perspectives. New York: Routledge, 2012. 204 p.

19. *Runions K.C.* Reactive aggression and peer victimization from pre-kindergarten to first grade: Accounting for hyperactivity and teacher—child conflict // British Journal of Educational Psychology. 2014. Vol. 84(4). P. 537–555. doi:10.1111/bjep.12037

20. *Wright M.F.* The role of technologies, behaviors, gender, and gender stereotype traits in adolescents' cyber aggression // Journal of Interpersonal Violence. 2020. Vol. 35(7-8). P. 1719–1738. doi:10.1177/0886260517696858

References

1. Antipina S.S., Miklyaeva A.V. Vzaimosvyaz' sklonnosti k kiberagressii, agressivnosti i empatii v podrostkovom vozraste [Relationship Among the Tendency to Cyber-Aggression, Aggressiveness, and Empathy in Adolescence] [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2021. Vol. 18, no. 2, pp. 94–108. doi:10.21702/rpj.2021.2.6 (In Russ.).
2. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V. Povedenie onlain i oflain: k voprosu o vozmozhnosti prognoza [Online and Offline Behavior: Does one Predict Another?] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2020. Vol. 16, no. 4, pp. 98–108. doi:10.17759/chp.2020160410 (In Russ.).
3. Bochaver A.A. Shkol'nyi opyt bullinga i aktual'noe blagopoluchie u studentov [] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 2021. Vol. 26, no. 2, pp. 17–27. doi:10.17759/pse.2021260202
4. Vlasova N.V., Buslaeva E.L. Psikhologicheskie osobennosti lits, sklonnykh k kiberviktimmomu povedeniyu [Psychological Features of Individuals Prone to Cyber Victimization] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 194–206. doi:10.17759/psylaw.2022120214 (In Russ.).
5. Kiriukhina D.V. Kiberbulling i individual'no-psikhologicheskie kharakteristiki ego uchastnikov [Elektronnyi resurs]. In Sorokova M.G., Dozortseva E.G., Shemanov A.Yu. (eds.). *Tsifrovaya gumanitaristika i tekhnologii v obrazovanii (DHTE 2020): Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. 19–21 noyabrya 2020 g.* Moscow: FGBOU VO MGPPU Publ., 2020, pp. 306–310. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/dhte2020/contents/Kiryukhina> (Accessed 01.02.2023). (In Russ.).
6. Kiriukhina D.V. Obschchenie podrostkov v seti Internet: granitsy normativnosti [Adolescents' communication on the Internet: the boundaries of normativity] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2021. Vol. 10, no. 3, pp. 40–47. doi:10.17759/jmfp.2021100304 (In Russ.).
7. Lipovaya O.A., Shtenskaya A.E. Psikhologicheskie osobennosti proyavleniya agressii u podrostkov [Psychological peculiarities of the application of aggression in adolescents]. *Vestnik Taganrogskego instituta imeni A.P. Chekhova = Taganrog Institute Journal*, 2018, no. 2, pp. 55–58. (In Russ.).
8. Nutsikova E.V., Dozortseva E.G. Kliniko-psikhologicheskie osobennosti nesovershennoletnikh, poterpevshikh ot kibergruminga [Clinical and Psychological Features of Minor Victims of Cybergrooming] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 66–76. doi:10.17759/psylaw.2022120306 (In Russ.).
9. Putintseva N.V. Konsilium / Sovet profilaktiki v formate vosstanovitel'noi programmy "Krug soobshchestva" v Tsentrah sodeistviya semeinomu vospitaniyu. *Vestnik vosstanovitel'noi yustitsii = Restorative Justice Herald*, 2023, no. 17, pp. 73–75 (In Russ.).
10. Safuanov F.S., Dokuchaeva N.V. Osobennosti lichnosti zhertv protivopravnykh posyagatel'stv v Internete [Personality characteristics of victims of illegal attacks on the Internet] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2015. Vol. 5, no. 4, pp. 80–93. doi:10.17759/psylaw.2015050407 (In Russ.).
11. Soldatova G.U., Ilyukhina S.N. Autodestruktivnoe povedenie podrostkov i molodezhi v Internete: analiz keisov. *Tsifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka: Sbornik nauchnykh statei i materialov mezhdunarodnoi konferentsii "Tsifrovoe obshchestvo kak*

kul'turno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka: ot tsifrovoy kul'tury k kiberkul'ture”, 12–14 fevralya 2020 g., *Kolomna = Digital society as a cultural and historical context of human development*. Kolomna, 2020, pp. 371–376. (In Russ.).

12. Chukhlantsev Yu.S., Chirkina R.V., Kupriyanova E.A. Sotsial'nyi ostrakizm i sklonnost' k deviantnomu povedeniyu podrostkov [Social Ostracism and Tendency to Deviant Behavior of Adolescents] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2021. Vol. 18, no. 4, pp. 22–29. doi:10.17759/bppe.2021180402 (In Russ.).

13. Beran T., Li Q. The Relationship between Cyberbullying and School Bullying. *Journal of Student Wellbeing*, 2007. Vol. 1, no. 2, pp. 16–33. doi:10.21913/JSW.v1i2.172

14. Graf D., Yanagida T., Runions K., Spiel C. Why did you do that? Differential types of aggression in offline and in cyberbullying. *Computers in Human Behavior*, 2022. Vol. 128, pp. 107–128. doi:10.1016/j.chb.2021.107107

15. Herrera López M., Romera Félix E.M., Ortega Ruiz R., Gómez Ortiz O. Influence of social motivation, self-perception of social efficacy and normative adjustment in the peer setting. *Psicothema*, 2015. Vol. 28, no. 1, pp. 32–39 doi:10.7334/psicothema2015.135

16. Keipi T., Oksanen A., Hawdon J., Nasi M., Rasanen P. Harm-advocating online content and subjective well-being: A cross-national study of new risks faced by youth. *Journal of Risk Research*, 2017. Vol. 20, no. 5, pp. 634–649. doi:10.1080/13669877.2015.1100660

17. Martínez-Monteaudo M.C., Delgado B., García-Fernández J.M., Rubio E. Cyberbullying, Aggressiveness, and Emotional Intelligence in Adolescence. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2019. Vol. 16, no. 24, pp. 50–79. doi:10.3390/ijerph16245079

18. Patchin J.W., Hinduja S. *Cyberbullying Prevention and Response, Expert Perspectives*. New York: Routledge, 2012. 204 p.

19. Runions K.C. Reactive aggression and peer victimization from pre-kindergarten to first grade: Accounting for hyperactivity and teacher—child conflict. *British Journal of Educational Psychology*, 2014. Vol. 84, no. 4, pp. 537–555. doi:10.1111/bjep.12037

20. Wright M.F. The role of technologies, behaviors, gender, and gender stereotype traits in adolescents' cyber aggression. *Journal of Interpersonal Violence*, 2020. Vol. 35(7-8), pp. 1719–1738. doi:10.1177/0886260517696858

Информация об авторах

Власова Наталья Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: 11025173@yandex.ru

Буслаева Елена Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра психологии и педагогической антропологии, Институт гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВО МГЛУ); доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, e-mail: moselena2201@yandex.ru

Власова Н.В., Буслаева Е.Л.
Кибербуллинг в подростковом возрасте:
агрессор и жертва
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 56–71

Vlasova N.V., Buslaeva E.L.
Cyberbullying in Adolescence: Bully and the Victim
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 56–71

Information about the authors

Nataliya V. Vlasova, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: 11025173@yandex.ru

Elena L. Buslaeva, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University; Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, e-mail: moselena2201@yandex.ru

Получена 07.02.2023
Принята в печать 07.05.2023

Received 07.02.2023
Accepted 07.05.2023